

ПАМЯТИ КОЛЛЕГИ

В этом году ушел из жизни В.В. Биbihин. Вместе с читателями *Историко-философского ежегодника* редколлегия скорбит о потере одного из наших постоянных авторов, чей многогранный талант находил выражение как в собственных исследовательских публикациях, так и в переводах и комментариях текстов самых разнообразных мыслителей. Мы выражаем свою благодарность вдове Ольге Евгеньевне Лебедевой, любезно предоставившей из архива Владимира Вениаминовича публикуемый здесь текст и подготовившей его окончательную редактуру.

* * *

ВХОДЯ В МИР БИБИХИНА

С.С. Хоружий

Онтология и дискурс: как думается, именно в этих двух планах, проблемных полях, пространствах мысли, должно будет в первую очередь разворачиваться будущее осмысление философского дела Владимира Вениаминовича Биbihина. Онтология, *Philosophia prima*, *Metaphysica generalis* – эти имена звучат сегодня архаикой. В этом свои причины, своя оправданность; однако неотменимым остается и то, что эти формы мысли – классика. И это значит, что они всегда сохраняют право и возможность – а, может быть, и необходимость? – своего присутствия в любом времени: в новом и непредсказуемом облике.

Мысль Биbihина – отчетливо онтологической складки. Читая его, мы очень скоро не можем не заметить один сквозной философский мотив. Можно обозначить его, хотя бы для начала, условно, как *мотив глубины*: измерения глубины, присущего реальности и своим присутствием вносящего в вещи и явления *различение*: различение (различие, расщепление) между поверхностной картиной, первым впечатлением или прочтением – и некоей иной картиной, иным прочтением, более существенным, более истинным. Различение усматривается философом по-разному: часто – вскрытием пластов языка, старинной методой этимологизации; иногда – путем расширения контекста, напоминанием дополнительных концептуальных связей, исторических обстоятельств; а иногда и просто

стальным взглядом на определенные детали предмета. Весьма разный характер носит на первый взгляд и само различие. Однако неустанная, даже, если угодно, монотонная демонстрация его присутствия во всем и всюду скоро заставляет задуматься.

Первым делом, мы понимаем, что за всеми примерами, проявлениями различия стоит нечто общее, какое-то универсальное свойство реальности. Этого мало, однако. Речь философа отнюдь не звучит речью школьного учителя, который “показав на примерах, подводит к общему закону”. Никакого общего закона он нам не хочет открыть, и то, что открывается в различии, не будет сведено ни в какую формулу, не поддастся никакому описанию. И постепенно мы понимаем больше: смысл того, к чему нас подводят эти настойчивые усмотрения различия, не где-то *за* различием, а в нем самом. Не за ним стоит некое универсальное свойство, а оно само своим присутствием составляет глубинную черту реальности, ее фундаментальный предикат. А то неопишемое, о чем оно говорит, не есть уже ни свойство, ни предикат, а скорее необходимая, однако неявная предпосылка всего. И это, по определению, значит – понимаем мы еще дальше – что различие, демонстрируемое философом, – *онтологическое* различие, та самая *ontologische Differenz: различие между сущим и бытием*. Нарочито простая, чуждающаяся “терминов”, речь философа, с самого начала и постоянно, была речью, ориентированной к бытию.

Простота речи отнюдь не означает пренебрежения к философскому профессионализму, ухода в маргинальный – или эссеистический, или иной околофилософский – дискурс. Мысль Биbihина, во-первых, всегда и очень плотно – в атмосфере культуры, в историко-культурном ландшафте; во-вторых, она и по-своему методологична, она формирует собственные орудия. Из главных орудий для философа – центральные, ключевые концепты, вокруг которых собирается и которыми организуется (никогда не жестко, всегда исподволь, и все же определенно организуется) его философствование. Эти концепты – следующая форма, в которой конституируется онтология; они, в частности, концентрированно, сгущенно содержат и воплощают в себе онтологическое различие.

Первым из этих собирающих и фокусирующих концептов стал – *Мир*: ему посвящен был самый первый из серии лекционных курсов Биbihина: серии, которая, несомненно, представляет собой одно из главных философских событий своего времени, 90-х годов. В тематизации Мира, которая развернута в курсе 1989 г., одно из самых онтологически нагруженных понятий – “целый мир”. Это – апофатическое понятие; “целый мир”, по Биbihину, – самое необходимое (“Нигде, как в целом мире, не может иметь места существо человека”¹), и однако всегда неприступное, не данное, отсутствующее. В этой апофа-

¹ Биbihин В.В. Мир. Томск, 1995. С. 143.

тической трактовке – семена будущего сближения с Витгенштейном. Сближение это на первый взгляд странно, парадоксально: философ онтологической ориентации, философ бытия, с вызывающе афористичным и антисистематичным, разговорным, доверительно-устным, почти розановским стилем – и “логический позитивист”, фанатически озабоченный точностью любого высказывания, доводимый этой заботой до косноязычного и обрывочного гиперлаконизма, до “экстаза отрицаний”, как выражается о его дискурсе Владимир Вениаминович. Но на поверку, эта противоположность – очень внешнего свойства; а за ней – сложное плетение глубинных нитей, нитей общности, корреляции, творческих совпадений и перекличек. Даже в их жизненном поведении и творческом темпераменте можно обнаружить важные сходства, затаенный огонь, питавший творчество их и жизнь, сообщавший им подспудный пафос. “Бибихин и Витгенштейн” – объемная тема, и мы не входим в нее сейчас, но все же зафиксируем главное: необходимость деконструкции исходной внешней полярности. В действительности, вызывающе необязательный и афористичный дискурс Бибихина таит в себе ту же “витгенштейновскую” истовую заботу о внутренней точности, выверенности, достоверности каждого слова и высказывания (другой вопрос – каковы критерии, которыми у обоих руководится эта забота!); а у “позитивиста” Витгенштейна давно и основательно выявлен исследователями глубокий, своеобразный онтологизм. Один из его основных аспектов как раз связан с Миром: у Витгенштейна это тоже важнейший концепт, который в Первом разделе “Трактата” характеризуется так: “Факты в логическом пространстве суть Мир” (1.13). Однако логическое пространство не есть ни эмпирическая, ни интеллигибельная данность, если мы учтем, как максималистски-ответственно и нагруженно, в каком сильном смысле Витгенштейн понимает логическую форму, которую он утверждает имманентной своему Миру: в “логическую картину” (3) он допускает лишь sinnvolle Satz, во всей полноте осмысленное – и в этой полноте недоступное! – полагание. Итак, Мир Витгенштейна – апофатический концепт; и мы понимаем, как близок был русскому философу “Мир, подаренный способом Витгенштейна” (его выражение).

Далее, столь же изначально для мысли философа – *Присутствие*. Оно уже есть и в “Мире”; и понятно, что его разработка шла в значительной мере в контексте многолетней и многогранной работы Владимира Вениаминовича над Хайдеггером: работы, имевшей столь капитальное значение для нашего философского просвещения, что в лексиконе московского студенчества возник удивительный автор “Хайбихин”. Но концепт Бибихина был не заимствованием у Хайдеггера (тем паче что Dasein и не передавалось по-русски как “присутствие”!), но – *согласием* с ним; сам философ пишет, например, так: “Мы называем существо человека присутствием не только потому что Хайдеггер назвал существо человека присутствием, Dasein, но

и потому что не видно лучшего названия этому неизвестному”². Здесь важно сказать, что согласие явно фигурирует у Библихина как отрефлектированный концепт и играет существенную роль: именно, роль своеобразного связующего принципа в порядке вещей. Для философа это также онтологический принцип, в котором ясно различимо генетическое родство с античными мотивами бытийного лада и гармонии. Согласие входит и в конституцию Мира, и в конституцию Присутствия (ср. хотя бы: “Мир – это согласие, в котором только и открывается целое... Чистое присутствие как согласие во всем”³) – и вряд ли надо считать всего лишь внешней деталью, иррелевантной для философского существа, тот факт, что само продумывание этих концептов совершается у философа в элементе согласия с двумя классиками. И точно так же в элементе согласия с Хайдеггером, с дискурсом Ereignis, определяющим собою всю позднюю его мысль, развертывается у Библихина речь о *Событии*, которое также, безусловно, принадлежит к центральному и заглавным концептам его философии и его онтологии⁴. Дополнительное значение и масштабность теме События придает у него еще и то, что эта тема в немалой мере вбирает в себя тему языка и слова, первостепенно важную для Владимира Вениаминовича – напомним, профессионального лингвиста и филолога-классика. Неразделимая и обоюдная связь Слова и События – фундаментальный постулат Библихина при развертывании обеих тем. “Слово в своем существе – голос события”, – читаем мы уже в первой из его книг⁵. “Слово и событие” – так он назвал одну из последних книг, которые успел выпустить при жизни.

В свете неоспоримой онтологичности Согласия в философии Библихина, особо многозначителен тот факт, что в развертывании еще одной темы этой философии, не менее сердцевинной и не менее постоянной, а именно, темы *Энергии* – мы не найдем уже ни следа согласия. Этой теме он посвятил два курса, в разные периоды творчества: в 1990 г. в МГУ и в 2002 г. в Свято-Филаретовском Богословском институте; с ней также связана теснейше и вся его работа над наследием св. Григория Паламы – работа, в центре которой его пе-

² Там же. С. 27.

³ Там же. С. 113.

⁴ Можно отметить, что дискурс События у Библихина включает и диалог с Бахтиным, который в своих ранних текстах представил собственную трактовку События, раскрывая его категориями “бытия-события”, “события-поступка” и др. Эта побочная нить дискурса – уже не в элементе согласия; напротив, трактовка Бахтина со всей определенностью отвергается. Установив, что в этой трактовке нарушена основоположная нераздельность События и Слова, что у Бахтина Слово оторвано от События и “Событие осталось по существу безъязыким” (*Библихин В.В. Слово и событие*. М., 2001. С. 101), философ не останавливается перед решительным вердиктом: “Философия поступка Бахтина оборвана не в рукописи, а в мысли... Она взяла слишком резкую ноту... и не могла продолжаться на той надрывной ноте” (Там же. С. 98–99).

⁵ *Библихин В.В. Язык философии*. М., 1993. С. 47.

ревод “Триад”, не менее нужный и важный для отечественной культуры, нежели перевод “Бытия и времени”. Какой-либо серьезный разбор этой темы пока еще невозможен, поскольку из всех основных текстов, относящихся к ней, сегодня общедоступна только статья “Материалы к исихастским спорам”, опубликованная в сборнике “Синергия” в 1995 г. Но можно определенно сказать, что если иконономия Мира, Присутствия, События развертывается у Владимира Вениаминовича в стихии согласия, постоянно осязаемого присутствия другой мысли, созвучной и гармоничной с его собственной, – то иконономия Энергии развертывается также в стихии постоянно осязаемого присутствия другой мысли; но на сей раз эта другая мысль – в совершенно иных отношениях с его собственной. Эту другую мысль об Энергии представляют православие, исихазм, Палама, и совсем рядом – С.С. Хоружий. Безусловно, это не враждебная мысль, никоим образом; но это и не созвучная мысль, а мысль, своим присутствием напрягающая, беспокоящая, тревожащая, и в отношениях с ней – не гармония, а контрапункт. «Мне не хватает злости на тебя... Отношение... к Паламе, к “есть”, к Дионисию Ареопагиту тебе придется просто пересмотреть», – пишет он мне 21 апреля 1994 г. Здесь главный узел, фокус проблемы, как всем известно, – сакраментальное отношение между энергией и сущностью. На какой-то из моих книг я ему надписал: “В сущности, брату” – и взглянул на написанное – и оно вдруг открылось, отозвалось другим, нечаянным смыслом. Я очень удивился – и уже словно под диктовку этого смысла, нечаянного, но властного, медленно и покорно докончил: “В энергии – оппоненту”...

В этой другой мысли, другой рецепции Энергии философа тревожит и напрягает ее напрасное, беспочвенное, как он убежден, стремление к альтернативе, к отходу, отказу от единственно возможного русла, в котором Аристотель и вся западная традиция. (Не исключается, видимо, даже Хайдеггер, хотя попытки его исключить были и в некоей мере вопрос открыт.) Однако эти слова не выражают всей ситуации. Казалось бы, раз стремление беспочвенно – что тревожиться? нужно просто продемонстрировать эту беспочвенность, однажды и навсегда. Но если, скажем, трактовку События у Бахтина философ спокойно отвергает, нимало не находя нужным вновь и вновь возвращаться к ней, то трактовка Энергии у Паламы (и во всей с ним связанной линии) остается всегда тревожащим топом его мысли. Как Сократ для афинян, Энергия, если угодно, – *овод* мысли Библия, не дающий ей успокоиться в радостно-гармоничном ландшафте Мира и Согласия, Присутствия и События. И такое восприятие темы Энергии сегодня в высшей степени стимулирующее и ценно. Эта тема – один из главных проблемных узлов современной мысли, где контуры решения еще совершенно не ясны, и нам предстоит отыскивать их – благодарно опираясь на обширные разработки, оставленные ушедшим философом.

Как мы сказали вначале, никакое осмысление философского дела Владимира Вениаминовича заведомо невозможно без специального внимания к его дискурсу. Этот дискурс – дискурс не просто философа, но и филолога, лингвиста, опытнейшего литератора-переводчика – крайне своеобразен, уникален в своей лексике, стилистике и поэтике, в комплексе своих приемов и средств; и его реконструкция – особая тонкая задача. Не входя в нее, скажем о другом. Искуснейшее владение всеми орудиями дискурса открывает перед философом немалые возможности злоупотребить этими орудиями: не столько напрямик утверждая, сколько протискивая и протаскивая с помощью риторических средств такие позиции, положения, которые нельзя защитить философскими средствами. Сегодня в культуре постмодернизма чрезвычайно распространено охотное и неограниченное использование этих возможностей злоупотребления: это – *терроризм дискурса*, отлично известный современный феномен. В русской мысли его предтеча – В.В. Розанов; он – любопытнейшее “недостающее звено”, стоящее между ядовитыми и изящными острословами-парадоксалистами старых времен и новейшими террористами дискурса, авторами лобовыми или, еще верней, ломовыми: дискурс у них – тот самый лом, против которого нет приема. И отнюдь неслучайно на всем протяжении творческого пути Бибихина сопровождает глубокий интерес к Розанову: ему очень ведомо было розановское искушение, искушение терроризмом дискурса. Исследователям предстоит выяснить, всегда ли философу удавалось преодолеть это искушение...

В этих скудных строках мы только назвали основные слова, указали главные вехи большой и самостоятельной философии, которую еще нужно тщательно изучать. Многое и многое еще остается сделать, прежде чем мы действительно сможем увидеть и понять *мир, подаренный нам способом Владимира Вениаминовича Бибихина*.

ФИЛОСОФ В. БИБИХИН

А.В.Ахутин

Сказать о Владимире Бибихине – философ, вовсе не значит назвать только его профессию, область занятий. Занимаясь делами и научными исследованиями, мы забываем, что дела ведутся, а исследования предприняты и распределены по специальностям в изначальной человеческой задаче – *пытании бытия*. Философия хранит память о человеке как испытателе бытия. В этом средоточии понимал философию, так сосредоточенно был философом и останется в философии В. Бибихин.